

Белые ночи

Холод и ветер. Холод и ветер. Ленинградская весна 1941 года. В мае выпал снег. Мимо Зимнего дворца шагали демонстранты в пропитанных влагой пальто, в мокрых ботинках. Июнь тоже был холодным, и казалось, балтийский туман не рассеется никогда. В этом не было ничего необычного, когда Петр Великий на Невском болоте основал новую столицу: не о климате и не о покое он заботился.

В четверг 19 июня и на следующий день бушевали грозы, погода менялась. Наконец 21 июня — день летнего солнцестояния. Вырвалось из-за туч солнце, и вдруг яркая голубизна неба радостно простерлась над городом.

Ленинград подтверждал слова Пушкина: "Но наше северное лето карикатура южных зим". День солнцестояния — особый, самый долгий в году. Бесконечный день и самая белая из "белых ночей", когда сумерки даже в полночь не наступают, когда так и не сходит на землю ночь.

Перемена ветра, мягкое солнечное тепло. И чудесным образом преобразилась Нева, из серой — в голубую, сверкающую. Овеянный ароматом цветущих лип, черемухи, жасмина, город стал праздничным. В старых зданиях университета, построенного еще в XVIII веке, экзамены закончились 21 июня, и наступили каникулы. В белые ночи происходили "гулянья". От Университетской набережной, через Дворцовый мост. Молодые люди в синих выглаженных костюмах, девушки в легких белых платьях... Песни под баян, под гитару. Встречи в кафе на Невском проспекте. У "Кафе-мороженого" — в одиннадцать, у "Зеленой Лягушки" — в полночь, на углу Елисейского магазина — в час ночи. Очереди весь вечер возле "Астории" и "Европы", а внутри — молодежь, танцующая фокстрот под модную песенку, ставшую популярной благодаря Эдди Рознеру с его джазом, выступавшим в "Метрополе": "Мы встретимся снова во Львове, я и моя любовь".

Эта весна в Ленинграде казалась неустойчивой — не только из-за погоды. Кто мог знать, сколько еще продлится непрочный мир, когда второй год шла вторая мировая война? Правительство заверило Ленинград (и остальную Россию), что нацистско-советский пакт, подписанный в августе 1939 года, накануне войны, гарантирует, что на страну не нападут. Пропагандисты на партийных собраниях ле-

нинградских предприятий постоянно повторяли, что обе страны, подписавшие договор, обязались не нападать друг на друга, и давали понять, что подвергнуть это сомнению равносильно государственной измене. Передовицы "Правды" приветствовали небывалую эру сотрудничества, при котором Россия отдавала "третьему рейху" пшеницу и нефть в обмен на машины (и военную технику). Но ленинградцы все же беспокоились, в них жило мучительное недоверие к нацистам. Что бы ни говорил Сталин, весь ход войны показывал, что нельзя верить обещаниям Адольфа Гитлера. Следя за развитием событий, ленинградцы знали, что после раздела Польши между Германией и Россией осенью 1939-го нацистские танки в 1940 году быстро двинулись на Данию, Норвегию, Францию; ошеломляющее впечатление произвело варварское воздушное нападение люфтваффе на Англию. Рядовых русских граждан ужаснуло это свидетельство силы фашистов.

А весной 1941-го еще большую тревогу вызвала у ленинградцев новая кампания вермахта — стремительная успешная война против Югославии, быстрое завоевание Греции, оккупация острова Крит, угроза Суэцкому каналу со стороны быстроходных войск Роммеля в Северной Африке. Теперь, одержав победу на Европейском континенте, на кого обратят нацисты следующий удар? Очевидно, на Англию. Но время от времени в Ленинграде возникали слухи, что у Гитлера в списке следующей была Россия. Москва эти слухи опровергала (в последний раз всего неделю назад); и вряд ли кто-нибудь мог открыто поставить под сомнение решительные заверения Сталина относительно пакта с Берлином. Безопасней одобрить линию партии, глубоко запрятав любые сомнения. Но тревога жила во многих душах. Ведь если — вопреки всем обязательствам, обещаниям, заверениям — Гитлер все же нападет на Россию, в опасности будет Ленинград, город исторически, традиционно военный, созданный Петром в 1703 году в качестве бастиона, защищавшего русскую землю от шведов, поляков, литовцев, финнов, немцев.

Но мало кто всерьез думал об угрозе нацизма, отправившись в отпуск — на острова Финского залива, на морское побережье или озера, отвоеванные зимой 1939—1940 годов у Финляндии. День был слишком прекрасен, предзнаменования — обнадеживающими. Большинству ленинградцев казалось, что положение их города надежней, чем когда-либо, с тех пор как в 1918 году Ленину пришлось "временно" опять перевести столицу России в Москву из-за опасности вторжения немцев. Но "временный" перевод стал постоянным: Финляндия, Латвия, Эстония и Литва после 1917 года отошли от России; финско-советская граница проходила в 30 километрах от Ленинграда и захватить город не стоило большого труда.

Теперь, благодаря зимней войне с Финляндией, у Ленинграда появилось небольшое пространство для маневров. Правда, ради этого пространства совершено было жестокое нападение на маленькую соседнюю страну. Граница отодвинулась на многие километры, и, когда летом 1940 года Сталин принудил Прибалтийские государства опять

войти в Советский Союз, Ленинград получил новое защитное прикрытие вдоль Балтийского побережья.

Великолепная погода в день летнего солнцестояния... В предвоскресный день город быстро опустел. Сотрудники газеты "Ленинградская правда" получили дачу на Лисьем Носу возле Финского залива, примерно в 30 километрах от Ленинграда. В субботу материал для воскресного утреннего номера был заблаговременно сдан — никаких жобенных событий, и сразу после обеда большинство редакционных сотрудников смогли отправиться на отдых.

Не все в этот день имели возможность уехать из Ленинграда. Иосиф Орбели, директор музея Эрмитаж, провел день за своим письменным столом в огромной картинной галерее на Дворцовой площади. Это был человек с бородой Юпитера, похожий, как считали друзья, на библейского пророка. Его одолевали десятки проблем. Голько что, 26 мая, после долгих усилий открыли новый отдел русской культуры. Ящики, в которых было по меньшей мере 250 000 экспонатов для нового отдела, загромождали хранилища, загораживая запасные выходы: готовились летние экспедиции; в музее бригада маляров после первомайских праздников, установив леса, еще не приступила к работе. Подошло самое беспокойное для музея время года, и задержка в работе сердила. Орбели позвонил в строительный трест, там пытались отделаться обещаниями начать работы "как можно раньше", но он тогда лишь повесил трубку, когда точно была назначена дата: понедельник, 23 июня.

Орбели поздно ушел из музея. В воскресенье, наверное, будет много посетителей. Надо все привести в порядок. На письменном столе остался номер "Ленинградской правды", где синим карандашом была обведена статья под заглавием: "Тамерлан и Тимуриды в Эрмитаже". В ней описывались два зала, посвященных остаткам материальной культуры Моголов. Орбели знал, что это привлечет дополнительных посетителей в воскресенье. В Ленинграде стали проявлять большой интерес к Тамерлану. А неделю назад прибыла научная экспедиция в Самарканд для изучения усыпальницы Гур-Эмир, где похоронен Тамерлан. Это делалось в связи с подготовкой материалов к 500-летию Алишера Навои, великого поэта эпохи Тамерлана. Ежедневно "Ленинградская правда" печатала сообщение из Самарканда о ходе работы. В среду корреспондент ТАСС рассказал о том, как с гробницы Тамерлана была снята плита из зеленого нефрита. "Народная легенда, сохранившаяся до наших дней, — писал корреспондент ТАСС, — гласит, что под этим камнем — источник ужасной войны..." Это многих читателей рассмешило. Какое фантастическое суеверие — думать, что, сдвинув древний камень с места, можно развязать войну! В феврале "Ленинградская правда" сообщала, что гроб Тамерлана раскрыли. Изучение скелета привело к выводу, что одна нога короче другой. Принято было считать Тамерлана хромым, и теперь это подтвердилось.

* Тимуриды-династия, правившая в Средней Азии в 1370—1507 годах. Основатель — Тимур (Тамерлан). — Прим.перев.

В субботнем номере газеты сообщений из Самарканда не было. Может быть, поэтому, размышляя Орбели, напечатали статью о выставке в музее. Он запер кабинет, пожелал спокойной ночи дежурному у служебного входа и пошел на Дворцовую площадь.

Это был, по мнению Орбели, самый впечатляющий архитектурный ансамбль в мире — великолепный Зимний дворец и Эрмитаж вдоль набережной Невы, на другой стороне площади — массивное здание Генерального штаба и арка, в центре — колонна в честь Александра Первого.

Держава, империя выразила себя в этом ансамбле. Империя ощущалась с того дня, когда Петр ценой десятков тысяч жизней стал погружать массивные громады в болото в устье Невы, строить Петропавловскую крепость, затем военно-морскую базу Кронштадт на одном из сотен островов в дельте Невы и, наконец, дворцы, проспекты, грандиозные площади. И возникли пышные сравнения — второй Париж, Северная Венеция. Петербург стал именовать Екатерину II Северной Семирамидой, и ее столица приобрела, наконец, название, которое очень нравилось Орбели, — Северная Пальмира. Семирамида, Пальмира, древняя малоазиатская романтика, тайна, проникшая в лед и зиму русского севера. Санкт-Петербург, Петроград, Ленинград, Пальмира — как ни назови, нет города, ему равного, несмотря даже на то, что вид из петровского "окна в Европу" омрачила, затуманила сталинская тирания.

Адмиралтейство с тонкой остроконечной иглой. Через Неву с ним как бы перекликались шпиль Петропавловской крепости и фасад Университета на Петроградской стороне.

Орбели повернул к великолепному Невскому проспекту, который поэт Александр Блок считал "самым лирическим, самым поэтичным в мире". Там, как нигде, чудилась в женщинах неразгаданная тайна. Там их внешность напоминала о неведомой красоте, о призрачности надежд... Город всегда производил глубокое впечатление: на некоторых угнетающее, таинственное, трагическое, другим он казался эфирно-легким, чудесным, волшебным. Ленин видел здесь жестокую эксплуатацию, труппы, созревшие для агитации, тайных заговоров, революции. Для Романовых это был центр вселенной, местопребывание абсолютной власти, которую благословила православная церковь.

Город всегда вызывал представление о высшем совершенстве. Он покорял величием пространств, красотой планировки, сочетанием воды и камня, массивных гранитных зданий и стройных мостов, низко нависшими небесами и бесконечным зимним холодом и снегом. Мастерская России, российская лаборатория, колыбель российской науки и искусства. Здесь открыл свою периодическую систему элементов Менделеев. Павлов здесь вырабатывал у собак условные рефлексы. Здесь Мусоргский писал свою неистовую мрачную музыку, покоряли сердца великих князей прелестные ножки Павловой, императорский балет дал миру Бакста, Дягилева, Фокина и Нижинского.

Ленинград был центром творческой жизни России. В субботу

21 июня весь день шли репетиции в залах Государственной балетной школы на Александрийской площади. Возглавлявшая русскую балетную школу великая Агриппина Ваганова была строгой воспитательницей. В воскресенье 22-го предстояло выступление в кордебалете Мариинского театра по случаю 30-й годовщины со времени дебюта балерины Е.М.Луком. А в среду 25-го должен был состояться выпускной спектакль класса Вагановой — балет "Балла". Вагановой было 63, но она была по-прежнему энергична, и, по словам одной из ее учениц, "мадам Ваганова была, как всегда, строга".

В ту субботу Карл Эллиасберг, руководитель симфонического оркестра Ленинградского радиокомитета, вернулся домой на Васильевский остров довольно поздно. У него тоже весь день были репетиции. Теперь он сел почитать газету и обратил внимание, что в воскресенье в Екатерининском дворце в Пушкине откроется выставка по случаю столетия со дня смерти Лермонтова. Он решил пойти. У другого крупного музыканта, композитора Дмитрия Шостаковича, были совсем другие планы. Шостакович, футбольный болельщик, днем в субботу купил билеты на матч, который должен был состояться на стадионе "Динамо" в воскресенье 22-го.

В субботу жизнь кипела в студиях Ленфильма, на Петроградской стороне. Там, на Кировском проспекте, 10; на территории старого сада "Аквариум" (где когда-то Ледяной дворец восхищал поколения петербургской молодежи) скоро должен был выйти фильм о композиторе Глинке. Людмила, жена драматурга Александра Штейна, весь день готовила патриархальные боярские бороды, костюмы для Черномора, Руслана и Людмилы, приводила в порядок изящные старинные головные уборы, называвшиеся в России "кокошниками". В понедельник начнутся съемки. Штейн отсутствовал. Будучи офицером запаса, он в начале весны был призван в армию на три месяца. Срок его службы закончился несколько дней назад, и он поехал отдохнуть на новый писательский курорт, расположенный в Карелии, в нескольких километрах севернее Ленинграда, на территории, недавно принадлежавшей финнам.

В субботу, в нескончаемом сумраке белой ночи, он сидел на каком-то шатком деревянном крыльце и беседовал с товарищем, драматургом Борисом Лавреневым. Вечер был тихий, но позже Штейн вспоминал, что видел ракеты далеко на горизонте, а около четырех ночи, когда он уже шел спать, ему послышался гул авиационных моторов над Финским заливом.

В субботу весь день продолжалось движение в Смольном. Смольный — комплекс зданий, построенных в классическом русском стиле вдоль Невы, некогда Институт благородных девиц, а с 1917 года символ революции. Здесь во время государственного переворота в ноябре 1917-го большевики с Лениным во главе установили свой командный пункт, здесь с тех пор помещалось руководство ленинградской партийной организации.

В эту субботу в ленинградском городском комитете партии проводился так называемый расширенный пленум — общее заседание,

на котором секретари горкома, директора заводов, специалисты народного хозяйства, представители профсоюзов и городского управления обсуждали ряд важных вопросов — выполнение директив, одобренных XVIII Всесоюзной партийной конференцией, и новые планы промышленного строительства.

Заседание в Актовом зале Смольного, где когда-то Ленин провозгласил победу революции большевиков, закончилось поздно. Некоторые делегаты отправились домой. Другие, как и многие ленинградцы, прогуливались по широким проспектам в полночном струящемся свете. Они останавливались, глядя с интересом на прикрепленные к фонарным столбам афиши, в которых сообщалось, что завтра в Мариинском театре в балете Прокофьева "Ромео и Джульетта" будет танцевать Уланова. Другие афиши оповещали: "Антон Иванович сердится". Не все делегаты понимали, что это реклама нового фильма, который скоро пойдет в кинотеатрах. Они в недоумении качали головами и следовали дальше, заглядывая в яркие витрины магазинов Невского проспекта.

Высшие руководители, присутствовавшие на заседании, не гуляли. Они пошли в свои кабинеты и сидели у телефонов, ожидая звонка. Перед уходом из Смольного их по секрету предупредили: "Не уходите далеко. Сегодня что-то может произойти".

Что именно может произойти, им не сообщили. Приученные старательно исполнять приказы партии, не задавая вопросов, они сидели теперь у своих телефонов, курили, сосредоточенно рассматривали горы бумаг, которыми были постоянно завалены их столы, не понимая, в чем дело.

И все же не все оставались в кабинетах. Михаил Козаков, парторг Сталелитейного завода, поехал к семье на дачу, находившуюся в нескольких километрах от Ленинграда. Там не было телефона, и поэтому шофер вернулся на завод, чтобы предупредить его, если что-нибудь случится.

В окрестностях Пушкина, старого императорского Царского Села, с его липовыми аллеями, величественными парками, окружавшими изящный Екатерининский дворец работы Растрелли, пьянящий аромат и полумрак привлекали десятки парочек. Здесь, где когда-то жили Пушкин и Александр Блок, гуляло ночи напролет новое поколение российской молодежи — у многих только что начались каникулы. Проходя мимо приземистых зданий, так называемого Полумесяца, у ворот дворца они останавливались. Из открытых окон лились незабываемые звуки. Это композитор Гавриил Попов с женой играли на двух роялях в смежных комнатах, разделенных лишь портьерами. Опера Попова "Александр Невский" репетировалась в Мариинском театре, осенью предстояла премьера.

Екатерининский парк был прибежищем художников. Неподалеку отсюда композитор Борис Асафьев работал над инструментовкой своей оперы "Славянская красавица" для бакинского оперного театра к предстоящему фестивалю, посвященному Низами. В соседнем помещении писатель Вячеслав Шишков, день или два назад вернувшийся из Крыма, где проводил отпуск, сидел за столом над корректурой большого исторического романа.

Всю зиму молодой писатель Павел Лукницкий проработал в

одном доме с Шишковым (бывшая дача Алексея Толстого стала писательским домом отдыха). 16 июня Лукницкий, стройный, смуглый, энергичный, красивый, еще не женатый, закончил роман и отправил его в издательство. Теперь он находился в Ленинграде, еще не зная, где проведет лето. Можно бы поехать в Карелию на новый писательский курорт. Там красивые парки, пляж. Во всяком случае, он примет приглашение, накануне присланное по почте. Писательская организация устраивала экскурсию в Карелию для осмотра бывшей укрепленной линии Маннергейма, которая после зимней войны перешла в руки Советского Союза. Специальные автобусы будут отправлены точно в 7.30 утра 24 июня.

В большом доме под номером девять на канале Грибоедова, недалеко от Невского проспекта, поэт Виссарион Саянов беседовал всю субботнюю ночь со старым другом, заводским рабочим, с которым встретился зимой во время финской войны. Саянов был военным корреспондентом, его друг — политруком в разведывательном подразделении. За бутылкой водки они вспоминали жестокий холод в лесах Финляндии, товарищей, уцелевших и погибших. Свободный вечер, посвященный воспоминаниям. Они расстались далеко за полночь. Саянов — поэт, среднего возраста, круглолицый, очки в золотой оправе — прошелся немного с другом, прежде чем идти спать. Город затих в предутренний час; ночное преломленное освещение смягчило цвета, сгустило тени, окрасило громады каменных зданий в тончайшие оттенки. Издалека доносились молодые голоса. Они пели известную советскую песню "Далеко... далеко...", печальную песню о влюбленном, который тоскует о любимой и о доме. Протяжная песня росла, ясная и чистая. В конце улицы появилась компания студентов, платья девушек белели на фоне темного тротуара, на ребятах были светлые рубашки и темно-синие брюки. Они медленно шли, взявшись за руки, в их пении ощущалась редкая таинственная красота.

Кроме гуляющей молодежи, почти весь Ленинград спал. На Петроградской стороне писательница Вера Кетлинская заметила, как худенький паренек остановился и поднял на плечи девушку, чтобы она могла сорвать цветок с нависавшей ветки жасмина. Оба подошли к Каменноостровскому мосту на Малой Невке, мост был разведен, они ждали на набережной, и девушка вздрагивала от ночного холода. Когда парень попытался ее обнять, она своенравно вырвалась и заявила: "Одной глупости я никогда не сделаю — не выйду за тебя замуж."

"Но почему? — безнадежно допытывался паренек, — почему?"
"Сама не могу понять".

Наконец разводной мост опустили. Они молча перешли его, в руках девушки осталась ветка жасмина. Расстались на углу.

"Федя", — вдруг позвала она. — "Что?"

"Ничего... Приходи завтра, я тебе отдам книги".

"Ладно. Если уйдешь, оставь их маме. Я днем зайду".

И они исчезли. Проспект был пустынен и тих. Ленинград спал спокойно в эту ночь, которая и ночью не была... Самая долгая белая ночь.